

Н е столь давно глава Российской академии образования Людмила Вербицкая предложила, с одной стороны, убрать из школьной программы «слишком глубокую» для понимания подростка «Войну и мир», с другой – ввести изучение духовных текстов. В условный заочный спор с такой инициативой вступает антиклерикальный фильм Кирилла Серебренникова «Ученик», который, в октябре провалившись в российском прокате, ныне готовится к завоеванию американских кинозалов.

До чего Библия доведет, где граница между верой и помешательством, догматизмом и жестокостью, религией и тоталитаризмом? Такими вопросами задастся зритель после просмотра данной картины. Серебренников пошел проторенной дорогой – перевел в плоскость широкого экрана свою прошлогоднюю постановку современной немецкой пьесы «Мученик». Фильм рассказывает притчу о том, как школьник Вениамин (Петр Скворцов), став религиозным фанатиком, возомнил себя «карой Божьей». Он говорит цитатами из Библии, которую всегда носит с собой, читает проповеди, ибо считает, что познал мораль лучше всех и «на все готов ради Господа», даже на смерть.

Очевидно, что Мариус фон Майенбург, автор пьесы, рассматривает христианство в контексте исламизации европейского общества и той войны, которую ведут исламские террористы в Сирии и Ираке. По видению драматурга, любая вера может ослепить, а радикальный религиозный экстремизм возможен не только в исламе. Серебрен-

ников добавляет: не лучше ли, имея даже гипотетическую возможность христианского Джихада, не верить в Бога вовсе? Как право современное «прогрессивное» общество в своем атеизме!

Думается, именно за это на 69-м Каннском кинофестивале картину удостоили премии Франсуа Шале (жюри, состоящее из независимой французской прессы, присуждает ее фильмам, которые «передают ценности жизни и журналистики»). Затем был приз за лучшую режиссуру на Кинотавре. А в конце августа драма Серебренникова получила номинацию на европейский «Оскар».

Многие критики считают, что пьеса фон Майенбурга – не самый удачный в художественном отношении текст, поэтому делая постановку или экранизируя, нужно уходить от него как можно дальше. Увы, Серебренников последователен; механически перенося действие из Германии в Россию, адаптирует к нашим реалиям лишь имена героев. И в этом один из главных его просчетов. Показанная гипербола не бьет своей несообразностью по голове вечно спешащего по делам человека, не заставляет остановиться и задуматься. Точнее, задуматься как раз-таки заставляет. Но не о том, что сказал режиссер, а о том – зачем.

По словам Серебренникова, его кино «о глобальной растерянности всех, общества в целом, перед мракобесием, о растерянности самых разных людей перед идейной косностью, перед безумием» (интернет-журнал «Область культуры», <http://okultureno.ru/journal/view?id=1710>). Чувствуется в этих словах намек на современный

российский государственный режим, особенно если вспомнить «случайное» появление в кадре портретов Путина при словах о том, что все «окутаны туманом».

Фильм сложный, неоднозначный, непродуманный, лишенный художественного единства. Тем не менее он стал ярким эмоциональным высказыванием атеиста, который на таком сомнительном примере пытается доказать, что религия нынешнему обществу ни к чему.

Главный герой (и главное свидетельство атеистического обвинения) – одиннадцатиклассник Вениамин Южин. Почему он ударился в религию – неясно. По тексту пьесы, причиной радикального христианского сдвига послужил латентный гомосексуализм подростка, понимание этого и нежелание принимать свою ориентацию. Спасение от самого себя мальчик находит в Священном писании, где сказано: «Не ложись с женщиной, как с женщиной: это мерзость». Но он не восстает против Библии, он почему-то вступает в конфронтацию с «морально изуродованным обществом», которое канон не читало. В фильме же, напротив, вопрос о гомосексуализме героя не решается. Что-то другое толкнуло юношу к Богу. Вот только что?! – Серебренников умолчал.

Вениамин – потенциальный религиозный террорист или маньяк. У него на все есть «Господь говорит...» или «в Библии сказано...». Считает, что за веру надо умирать. Если проповедовать, то в Чечне или Афганистане. Никакие правила не могут быть выше правил Иисуса. Если нужно убить «во имя Господа», он убьет. Мечтает о христианском Джихаде:

– Другие религии над нами насмеются. За веру нужно отдавать жизнь. Ни один христианин не делает ничего подобного. А все потому, что вы не читали Библию.(...) Вы слепили себе такого удобного Бога, который все прощает, и успокоились. ...речь не идет о том, чтобы жить за веру – у Господа на нас другие планы, когда он говорит: «Огонь пришел я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже разгорелся».

А он, посланник Христа на земле, читал. И все понял; ныне учит других. Веня считает, что он «от вышнего», другие – «от нижних».

У него нет друзей, подруг, интересов (кроме Бога). Его не любят одноклассники. Он агрессивен и девиантен. Воспитывается в неполной семье. Вернее, «воспитывается» так: воспитывать должна школа, а семья, то есть мать (Юлия Ауг), зарабатывать деньги. Суть этой женщины рас-

крывается в следующем диалоге:

– Я мать, ладно он мне ничего не говорит. Это нормально. Но вы-то! У вас-то, простите, образование! Что у вас в дипломе написано?

– Педагог, психолог...

– Ну так давай, психолог, добейся от него доверия! Вам же за это платят, правильно? (...) вы меня по любому поводу таскаете в школу и еще задаете ваши дурацкие вопросы, как будто мой сын – преступник.

Мальчик не хочет надевать плавки – ну так заставьте его! Это же ваша школа, а не моя. Мальчик не хочет плавать – ну так научите! Вы же для этого тут.

Отношения между матерью и сыном очень неясны. Многие зрители ждали, когда она либо отлупит сыночка, либо сдаст явно свихнувшуюся кровинушку специализирующимся на психических расстройствах докторам. Почему не почувствовала опасность, очевидную для зрителя с первых кадров? Почему она не стала бить тревогу, когда «ее мальчик» ободрал обои в своей комнате, выбросил мебель, книги, одежду, чтобы жить в аскезе, ибо «в Библии сказано...». Затем он перестал мыться. Нашел себе «ученика» – хромого одноклассника Гришу (к слову, влюбленного в Веню(!)), которого пытается исцелить криком «Расти, нога!». Сколотил для себя распятие из досок и вознамерился «качать неверных». Неужели материнская любовь настолько слепа? (К слову, не видит беды и школа, объясняя ситуацию тем, что «он подросток, это возраст такой»). Конфликт в семье мог бы стать самой драматической линией повествования и одним из мощнейших рычагов воздействия на аудиторию. Увы, он остался рудиментарным.

Абсолютно все персонажи фильма напоминают производные от картонных шаблонов для аппликации. Школа, которая из места, где «сеют разумное, доброе, вечное», трансформировалась в сервис по оказанию образовательных услуг; услужливая директриса, одинокие учительницы постбальзаковского возраста, попивающие после уроков коньячок; быдловатый физрук; «королева» класса, не по годам сексуально озабоченная; изгой, над которым издеваются одноклассники; лощеный батюшка с дорогими часами на руках...

Но находится в этой системе мельница, дующая против ветра. Это учитель биологии и по совместительству школьный психолог Елена Львовна Краснова (Виктория Исакова). Казалось бы, на фоне схематически обозначенного персонаж-

ного бэкграунда женщины-борец с косностью, стереотипами и мракобесием (по сути, носитель режиссерской идеи) должна выглядеть особенно ярко. Но и она, этот прогрессивный педагог, соткана из штампов — только уже либеральных. На уроках женщина рассказывает детям о том, сколь нормален гомосексуализм в современном обществе, учит их половому воспитанию посредством надевания презерватива на морковь и показывает видеоролики, где спариваются лошади. Заявляет, что Бога нет — есть наука. Иисус — чуть ли не гомосексуалист, соответственно Его ученики — это «гей-коммуна», которая «имеет любовь между собою».

— Да что с вами со всеми? — обращается к верующим коллегам Елена Львовна. — Это что такое — уважение к религии? Это есть один пастырь, а мы все овцы? Он сидит наверху, а мы все внизу. Это кто его выбрал? Нет, его никто не выбирал! Слушайте, это прекрасная мысль, когда есть отец, который за всеми присматривает. Но эта мысль прекрасна, когда мы дети. Отец, который все видит, который бесконтрольно карает, который иррационален и жесток. Вы что, не понимаете, что это все тоталитарная дик-та-ту-ра?

Елена Львовна — Венин враг. Она воплощение сатаны. Подросток, истовый «сын Божий», противостоит ей. Поначалу безобидно и весьма нелепо. На уроке так называемого «полового воспитания» он отказывается надевать контрацептив на морковь. «Это все ваши сексуальные фантазии из овощного отдела». Если и учиться, то на собственном, так сказать, органе. Цитируя Библию, школьник снимает футболку, брюки, трусы... Понятно, чем закончилось. Спустя время, чтобы сорвать урок по теории эволюции, «преданный Господу» подросток устраивает «перформанс» в костюме гориллы. И так далее.

Но когда конфликт атеистической учительницы и безумно верующего ученика достигает апогея, Веня решает сделать так, чтобы «она (Елена Львовна) замолчала навсегда». «Я на все готов ради Господа».

Учительница, кстати, борется с мальчиком его же оружием: читает Библию, чтобы опровергнуть ее. Веня ненавидит женщину — она еврейка, а «евреи против Иисуса». Вот еще одна причина, по которой женщину нужно убить...

За гротескным повествованием таится не самая безрадостная насмешка режиссера. Во всем Серебренников намекает на то, что религия — пустышка. Вырывает из контекста религиозные ци-

таты (с появляющимися на экране ссылками на источник — мол, не сами придумали). Утверждает тезис о «гей-коммуне Иисуса» (мол, как можно любить без плотского желания?). Опровергает библейские и евангельские рассказы о целительских чудесах Христа. Складывается впечатление, что (процитирую одного YouTube-рецензента) Серебренников набрал добрую «пригоршню социально-психологических проблем и размазал их по повествованию», дабы прикрыть идейно-содержательную дыру сценария и вновь заявить о своих взглядах.

Если воспринимать «Ученика» как притчу, то мораль ее будет в том, что религия — не более чем особые личные убеждения человека, с той лишь особенностью, что в большей степени способна свести с ума.

Совсем забыл (а может, и не знал?) художник «Гоголь-центра», что формула христианства — «возлюби ближнего своего», учит оно нравственной чистоте, терпению, милосердию. Все-таки история показательнее фильма Серебренникова: в периоды «глобальной растерянности» именно вера в Бога давала ориентир, помогала обрести силы и преодолевать трудности — отдельному человеку и стране в целом, так как церковь и государство, религиозность и патриотизм большую часть российской истории были симфоничны. Многие герои-полководцы не начинали битву без обращения к Богу. Вспомним хотя бы знаменитую легенду о том, как Сергей Радонежский благословлял Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, или известный факт, что адмирал Нахимов не начинал ни одного сражения без молитвы. Наши офицеры шли в бой со словами «За Веру, Царя и Отечество!». Даже присяга носила религиозный характер, и принимало ее духовенство.

Современный человек тоже, когда приходит беда, обращается к Богу. Ибо религия — это свет, который ведет по жизни, а не слепит, как утверждает Серебренников. Конечно, всегда найдутся фанатики. Но экстремизм — не суть религии, и как бы ни был человек атеистичен, это очевидно. Слабо верится, что режиссер данной картины, человек искусства (значит, особенно чуткий человек) этого не понимает. Тут, скорее, другое — действие по принципу: оскорбил — спровоцировал — собрал лавры.

Заигрывая со зрителем, всего намешал режиссер. Но мозаика не сложилась: и детали в ней лишние, и собрали ее неправильно. ■